

МАСТЕРСТВО, ПОМНОЖЕННОЕ НА ВДОХНОВЕНИЕ

У актера Центрального Академического театра Советской Армии, народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР Владимира Михайловича Зельдина были работы, которые вошли в сокровищницу советского искусства.

Прежде всего это, конечно, роль Альдемаро в комедии Лопе де Вега «Учитель танцев». Режиссер В. Канцель, которому была поручена постановка «Учителя танцев», специально пригласил Зельдина на эту роль. Зельдин был буквально создан для роли Альдемаро. Он создавал романтический образ, полный обаяния и красоты. Он, безусловно, унаследовал традиции великих мастеров романтической школы: Юрьева и Южина. Он был в полном смысле слова актером театра «плаща и шпаги». Но уже в те годы (а было это почти сорок лет назад) сказалось внутреннее стремление актера к психологизму, глубоко проникновению в самую сущность образа, в сущность человеческой души. Он играл Альдемаро по-человечески глубоко и драматично. Сейчас много говорят о так называемом синтетическом актере: актере, который, как это представляется, должен сочетать блестящую технику, пластику, умение владеть голосом с драматизмом истинных страстей и истинных чувств. Зельдин всегда был именно таким синтетическим актером. В этом мы лишний раз убедились в дни 60-летия Владимира Михайловича. Он снова сыграл учителя танцев. И че-

рез сорок лет его образ нисколько не полек, не утратил своего обаяния.

Другая роль, которая так же безусловно вошла в сокровищницу советского искусства, — роль профессора Серебрякова в фильме Андрея Михалкова-Кончаловского «Дядя Ваня».

В своей книге «Парабола замысла» Михалков-Кончаловский вспоминает прежние постановки «Дяди Вани», и прежде всего знаменитый мхатовский спектакль. Роль профессора Серебрякова во МХАТе играл, как известно, великий советский актер Анатолий Петрович Кторов, предложивший принципиально новую трактовку Серебрякова. Его герой был совсем не бездарный человек! Когда дядя Ваня — Борис Доброправов говорил, что Серебряков пишет двадцать лет об искусстве, ничего не понимая в искусстве, в это верилось с трудом: скорее всего, дядя Ваня обманывал сам себя, сам себе хотел сделать больнее, ведь это он — неудачник, ведь это он — никчемный человек, хотя профессора Серебрякова никто неудачником не назовет...

Зельдин ни в чем не повторил трактовку Кторова. Он пошел по другому пути. Он сыграл человека жалкого, недаренного, но и неглупого: Серебряков — Зельдин чувствовал собственную беспомощность, чувствовал, что его время прошло, а это ежедневно вызывало в нем приступы болезненной злости, он мстил за себя каждому, он

жалил беспрерывно, но с каким обаянием, с каким... так и хочется сказать — мастерством это ему удавалось! Он знал, как отомстить дяде Ване, как отомстить Астрову за то, что они сильнее, моложе, за то, что их не мучает подагра, за то, что их еще любят женщины. «Надо дело делать, господа» — торжественно, на прощанье говорил Серебряков — Зельдин. И все сразу становилось на свои места. У каждого — свой удел: кому в Москву, а кому — в деревню, кому — приказывать, кому — исполнять...

Зельдину близка школа представления, он любит театральность, любит театр за красоту, но в «Дяде Ване» он еще раз доказал, что сегодня, когда театры все больше утрачивают стиливое разнообразие, важно владеть формой, и в то же время насыщать роль глубокими психологическими переживаниями, ключ к которым дарит система Станиславского, важно сочетать в себе мастерство внешнего и внутреннего рисунка. Этому принципу Зельдин верен в каждой своей работе, будь то «Ужасные родители» Ж. Кокто, «Последний пылко влюбленный» Н. Саймона или «Комическая фантазия о жизни, любви и смерти барона Мюнхгаузена» Г. Горина. К стати сказать, все эти спектакли включены в гастрольную афишу театра. И не трудно заметить: барон Мюнхгаузен — бесстрашный, романтический, словом, не человек, фантазия — живет в каком-то неправдоподобном вихре, опьянении, вдруг, во втором акте, в

сценах со своей возлюбленной Мартой становится по-человечески трогателен, понятен, необычайно близок и добр. Или Барри Кэшмен, «последний пылко влюбленный», герой пьесы Нила Саймона. На какие только ухищрения он не способен! Море театрального обаяния — здесь все смешалось: эксцентрика, откровенный бурлеск, мягкий лукавый наигрыш (это наигрывает не Зельдин, это наигрывает его герой, сам Барри Кэшмен, стараясь найти подход сначала к Эллейн, потом — к Жанет...). И в то же время в финале, когда он вдруг вспоминает о Тельме, своей жене, и лихорадочно, в полузабытии умоляет ее все бросить, сейчас же приехать, спектакль обретает драматизм, и Зельдин дает почувствовать возможность трагедии...

Сегодня Зельдин — один из ведущих актеров Центрального академического театра Советской Армии. В Уфе он впервые, и тем радостнее встреча: мы имеем возможность всесторонне оценить талант выдающегося мастера советского театра.

А что же пожелать Владимиру Михайловичу?

Конечно, прежде всего — новых ролей, новых спектаклей. Он находится в прекрасной творческой форме. Он полон энергии и сил. Невольно «прикидываешь» на Зельдина пьесы Шоу, классические русские водевили, современные западные пьесы.